

И.А.ГОНЧАРОВ И СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

В.И.Мельник

*(член-корреспондент АН Республики Татарстан, профессор,
Государственная академия славянских культур)*

У статті розглядається питання про ставлення І.А.Гончарова до слов'янської ідеї. Гончаров вважав, що Росія повинна стати главою слов'янських народів, якщо зможе організуватися у велику державу, «у дусі єднання думки, почуттів, у сукупності всіх сил російського життя». В основі цього повинна лежати перетворююча праця.

The article discusses the question about attitude of I.A. Goncharov to the Slavic idea. Goncharov believed that Russia must become the head of the Slavic peoples, if it can organize itself in a great state, "in the spirit of unity of thought, feeling, in the aggregate of all the forces of Russian life". A converting job must become a basis.

Связи И.А.Гончарова со славянской идеей и славянским миром обычно не акцентируются: писателя всегда считали скорее западником, чем славянофилом. Действительно, Гончаров никогда не высказывался в духе славянофильских идей. Владея английским, французским, немецким, древними языками, Гончаров как художник тяготел к традициям европейской культуры. Несмотря на многие разногласия с либеральным лагерем, Гончаров на долгие годы оказался связанным с кругом журнала М.М.Стасюлевича «Вестник Европы». Судя по некоторым его высказываниям в «Необыкновенной истории», романист считал образцовой английскую демократию. Казалось бы, можно сделать однозначный вывод о том, что Гончаров – несомненный и абсолютный продукт европейского Просвещения (на этой идее целиком построена серьезная, но не лишённая тенденции монография Е.А.Краснощековой (1)). И все-таки дело не так просто. Против однозначного восприятия писателя как западника и либерала протестует прежде всего гениальный образ Обломова и с изумительной любовью написанная Гончаровым Россия, русская природа, русские люди, на которых он смотрит то с мягким юмором, то с восхищением.

Проблема «Гончаров и славянство» в настоящей статье затрагивается пока еще в очень узких границах. Глубокая ее разработка потребовала бы значительной поисковой работы и расширения фактологической базы. Тем не менее попытаемся наметить хотя бы некоторые аспекты темы.

Славянский мир как таковой Гончарову начал открываться в университете, где он учился на историко-филологическом факультете. В своих университетских воспоминаниях он пишет: «Личный состав наших профессоров был очень удачный, с малыми, едва заметными исключениями. Первым считали мы – и по старшинству лет и по достоинствам – помянутого декана, М. Т. Каченовского. Это был тонкий, аналитический ум, скептик в вопросах науки и отчасти, кажется, во всем. При этом – строго справедливый и честный человек. Он читал русскую историю и статистику; но у него была масса познаний по всем частям. Он знал древние и новые языки, иностранные литературы, но особенно обширны были его познания в истории и во всем, что входит в ее сферу – археология и проч. Любимая его часть в истории была этнография. Особенную симпатию он питал к польским историкам (сам он был родом из Малороссии и выказывал явное расположение к своим землякам) и летописцам. И томил же он нас подробностями происхождения одних народов и племен от других! До сих пор иногда будто слышишь его рассказы о разветвлениях народов, более всего – о финских племенах, далее о печенегах, о половцах, о торках, берендеях, черных клобуках, о том, что северные и южные славяне – никак не одно, а два различные племени, сошедшиеся с противоположных сторон, с севера и с юга, и т. д.

Когда он касался последнего излюбленного им вопроса о различии происхождения северных и южных русинов или вообще какого-нибудь спорного в истории вопроса, щеки его, обыкновенно бледные, загорались алым румянцем и глаза блистали сквозь очки, а в голосе слышался задор прежнего редактора «Вестника Европы». Он мысленно видел перед собою своих ученых противников и поражал их стрелами своего неумолимого анализа».

В 1840-е гг. Гончаров переживает искушение западничеством – прежде всего в кружке В.Г.Белинского. Программу Белинского воспроизводит Ф.М.Достоевский: «Я уже в 1846 году был посвящен во всю правду этого грядущего “обновления мира” и во всю святость будущего коммунистического общества Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о

презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии...» (2, 131). Атмосферу западнического отрицания всего и вся ощущал каждый, приходивший в кружок Белинского. Ученик Гончарова, будущий поэт Аполлон Майков также почувствовал определенное влияние идей Белинского, но, в отличие от Достоевского, сумел удержаться в рамках традиционных ценностей: «... западничество дохнуло всею своею силой и охватило, конечно, и меня, но не вполне, и вот почему: потому что матушка моя, как москвичка, выписывала “Москвитянин” Погодина; а в нем другое веяние, а главное, что меня в нем пленило, – это открытие славянского мира...» (3, 44-45). Гончаров был взрослее своего ученика и более сдержанно воспринял страстную проповедь Белинского: «Я разделял во многом образ мыслей, относительно, например, свободы крестьян, лучших мер к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития и т. д. Но никогда не увлекался юношескими утопиями в социальном духе идеального равенства, братства и т. д., чем волновались молодые умы. Я не давал веры ни материализму — и всему тому, что из него любили выводить — будто бы прекрасного в будущем для человечества... я не способен ни увлекаться юношески новизной допьяна крайними идеями прогресса, ни пятиться боязливо от прогресса назад» 4, 259).

Случилось так, что Гончаров вынужден был как цензор знакомиться со славянофильскими идеями и так или иначе реагировать на них. Видный славянофил, поэт и публицист И.С. Аксаков ряд лет являлся издателем московских газет славянофильского направления: «Парус» (1859), «День» (1861-1865) «Москва» (1867-1868), «Москвич» (1867-1868), «Русь» (1880-1886). Гончарову-цензору было поручено просматривать материалы газеты «День». И.С.Аксаков ко времени издания газеты «День» пережил определенную идейную эволюцию и отстаивал устоявшиеся славянофильские антиномии. Аксаков противопоставлял бездуховному Западу православную Россию, государству – народ, политике – общественный быт, юридическому разрешению конфликтов – нравственное, революциям – «воспитание общества». В этой славянофильской программе далеко не все было чуждо Гончарову. В частности, его не могло не привлекать в славянофильской программе требование полной свободы мнений, в том числе религиозных. Характерно, что 4 мая 1864 года он составляет цензорский отзыв о статье И.С.Аксакова «Письма из отечества», опубликованной в № 16 газеты «День» (псевдоним «Касьянов»): Гончаров высказался о статье в целом неодобрительно, однако, подробно изложил основную мысль Аксакова, который старался доказать, что попытка создать официальную религию путем принуждения может только породить вредное отношение к церкви (5, 138). Напомним, что и сам Гончаров в «Необыкновенной истории» (1874) писал в том же духе, протестуя против официальной религиозности. Писатель с горечью замечал: «За мной стали усиленно следить... В самом ли деле я религиозен, или хожу в церковь так, чтоб показать... что? Кому? Теперь при религиозном индифферентизме, светские выгоды, напротив, требуют почти, чтоб скрывать религиозность, которую вся передовая часть общества считает за тупоумие? Следовательно, перед кем же мне играть роль? Перед властью? Но и та, пользуясь способностями и услугами разных деятелей, теперь не следит за тем, религиозны ли они, ходят ли в церковь, говеют ли? И хорошо делает, потому что в деле религии свобода нужнее, нежели где-нибудь» (6, 338).

Разумеется, Гончаров был далек от мысли радикально противопоставлять Россию и Запад, как это делали славянофилы. В целом его настроение в отношении радикальных идей (в том числе, вероятно, и славянофильства и западничества, а не только нигилизма) определяется фразой из письма к Е.П.Майковой от 16 мая 1866 года: «Молоды мы, и как молодой народ, до глупости впечатлительны и увлекаемся до самопожертвования» (4, 396). Романист не противопоставлял религию прогрессу, он не считал, что Россия должна идти путем Запада, но настаивал на искоренении шапкозакладательских настроений и на перенесении на русскую почву всего лучшего, что есть на Западе. Общий тон гончаровских размышлений о России определяется его представлением о ней как о стране огромных, но еще не разработанных возможностей. По мнению писателя, Россия еще только входит в европейскую цивилизацию. Гончаров рад приветствовать все те внутренние силы, которые способствуют продвижению России к цивилизованной жизни и наоборот, осуждает «застой, сон, неподвижность» (7, 80). В этом смысле в национальном характере его интересует определенная доминанта: способность человека быть работником, преобразователем жизни. Об этой доминанте он упоминает в статье «Лучше поздно, чем никогда», говоря об образе Штольца и о роли, «какую играли и играют до сих пор в русской жизни и немецкий элемент и немцы. Еще доселе они у нас учителя, профессора, механики, инженеры, техники по всем частям. Лучшие и богатые отрасли промышленности, торговых и других предприятий в их руках. Это, конечно, досадно, но справедливо... Отрицать полезность этого притока постороннего элемента к русской жизни – и несправедливо, и нельзя. Они вносят во все роды и виды деятельности прежде всего свое терпение, perseverance (настойчивость) своей расы, а затем и много других качеств...» (7, 81). В письме к Великому князю Константину Константиновичу Романову Гончаров дополняет свои суждения: «Они... научат русских, нас, своим, в самом деле завидным племенным качествам,

недостающим славянским расам – это perseverance во всяком деле... и *систематичности*. Вооружась этими качествами, мы тогда, и только тогда, покажем, какими природными силами и какими богатствами обладает Россия!

Другому пока нам у остзейских культурхеров учиться нечему и занять ничего не приходится».

В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров писал: «Но меня упрекали..., отчего немца, а не русского поставил я в противоположность Обломову?.. Особенно, кажется славянофилы – и за нелестный образ Обломова и всего более за немца – не хотели меня, так сказать, знать. Покойный Ф. Тютчев однажды ласково...упрекая меня, спросил, “зачем я взял Штольца!” Я повинился в ошибке, сказав, что сделал это случайно: под руку, мол, подвернулся! Между тем, кажется, помимо моей воли – тут ошибки собственно не было...» Это драматичное по духу обращение к «немецкому элементу» выказывает в авторе «Обломова» несомненного патриота, чрезвычайно трезво и с неподдельной любовью размышляющего о перспективах русской жизни и преодолении ее возможных «обрывов».

Но славянофилами, к сожалению, это не было понято. 20 мая 1859 года романист в письме к своему другу И. И. Лъховскому, очевидно, зная реакцию славянофилов не по наслышке, предположил: «Обломов, по выходе всех частей, произвел такое действие, какого ни Вы, ни я не ожидали. Увлечение Ваше повторилось, но гораздо сильнее, в публике. Даже люди, мало расположенные ко мне, и те разделили впечатление. Оно огромно и единодушно... Конечно когда жар спадет, начнут и ругаться, особенно в Москве, хотя там же страстно приветствовали первые две части. Но там живут славянофилы, а Штолец – немец. Кстати, один из главных славянофилов, старик Аксаков, умер» (Сергей Тимофеевич Аксаков умер 30 апреля/12 мая 1859 года в Уфе, но похоронен был в Москве, в Симоновом монастыре). Гончаров как в воду глядел. И. С. Аксаков в письме к М. Ф. Де Пуле от 6 июля 1859 года так отозвался об Илье Обломове: «Вы называете Обломова поэтической превосходной натурой, “поэтом – народным”. Разве дворянским? Вы не объясняете нигде, что именно поэтического в этой натуре? Что общего между Обломовым и народными песнями, напр<имер>, “Вниз по матушке, по Волге”? Звучит ли этот бодрый мотив в натуре Обломова? Нисколько. Он возрос не на народной, а на искаженной дворянской почве... Он чувствует что-то...» (8, 165-166). И. С. Аксаков ограничил народность одним лишь «бодрым мотивом». Его восприятие гениального образа оказалось явно ошибочным. Гораздо ближе к истине был в оценке народности Обломова Ф. М. Достоевский: «Вспомните Обломова, вспомните “Дворянское гнездо” Тургенева. Тут, конечно, не народ, но все, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, – все это от того, что они в них соприкоснулись с народом; это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (9, 44).

Узкая партийность и ее категоричные требования не позволили славянофилам разглядеть в Гончарове идейно близкую личность, человека мудрого, широкого, истинного патриота, русского без «русачества». Сам Гончаров относился к славянофилам куда более терпимо, чем они к нему. Лишь в нескольких эпизодах с газетой «День» можно увидеть вмешательство цензора Гончарова и его требование приостановить опубликование того или иного материала (так случилось, например, с поэмой польского писателя Зигмунда Красиньского «Легенда»). В 1864 году, составляя ведомость рассмотренных периодических изданий за вторую половину 1863 года, Гончаров высказывает наиболее развернутый отзыв о славянофильской газете «День». Гончаров явно выводит газету И.С.Аксакова из-под цензурных репрессий своим отзывом. По его мнению, «газета “День” представляет неосторожностью и опрометчивостью много беспокойства цензуре, но ничего вредного в направлении не имеет» (цит. по: 5, 133). Имя самого И.С.Аксакова как художника Гончаров упоминает с пиететом в письме к графине С.А.Толстой от 20 января 1876 года. Помимо упоминания Аксакова, письмо это определенным образом отражает интерес самого Гончарова к славянскому вопросу, поэтому позволим себе привести из него большой фрагмент: «Вы передали мне, Графиня, в прошлом году, что Е<е> И<мператорское> В<ысочество> Мария Александровна благосклонно приняла представленную мною “Складчину” – и этим Вы сотворили мне великое удовольствие. Не поможете ли Вы мне сделать то же самое и теперь с “Братской помочью” (речь идет о литературном сборнике, вышедшем в пользу сербов: «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцоговины». – СПб., 1876) в пользу Славян, т. е. представить и ее в прилагаемом экземпляре, Ее Высочеству? В книге нет моего имени, следовательно я беру смелость напоминать не о себе, а о русской литературе – и этим, по-своему, как могу, удовлетворяю собственному чувству признательности за личное, оказанное мне драгоценное внимание... В “Братской помочи” если не все прекрасно и достойно внимания Великой Княгини, то, по крайней мере, все ново. Между прочим, есть и громкие имена: Майкова, гр. А. Толстого, Бенедиктова, Аксакова и другие» (4, 417). Среди других особо следовало бы указать на академика-слависта И.И.Срезневского, крупного знатока истории западных и южных славян, а также славянской филологии, который дал в сборник статью-воспоминание

о знаменитом преобразователе сербского литературного языка и правописания, отце новейшей сербской и хорватской литературы Вуке Караджиче: «Вук Стефанович Караджич». Между прочим, инициатором сборника явился ученик Срезневского – В.И.Ламанский, а его научную школу прошёл близкий знакомый Гончарова – академик А.Н.Пыпин.

В 1869 году вышла книга Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», которая сыграла значительную роль в формировании панславистской идеи. Одним из аспектов панславизма является мысль, что Россия должна объединить единокровных братьев-славян. Славяне перед лицом общих угроз, исходящих с Запада, должны образовать могучий союз во главе с Русью. Интересно, что Гончаров оказался не вовсе чужд панславянской идее. Вернее сказать, он соприкасается с нею. Гончаров не задумывается о вопросах славянского братства, но упоминает о возможном в будущем главенстве России среди славянских государств по праву великого государства, которого, по его мнению, пока нет. Следует обратить внимание на то, что автор «Обломова» цель своего писательства определял как содействие общей работе всей русской нации для возникновения поистине великой России. Этот высокий пафос Гончарова, его мечта о великой России выразились в очерке «Литературный вечер». В «Литературном вечере» по этому поводу высказывается старик Чешнев, развивающий в данном случае взгляды самого автора: «Народность, или, скажем лучше, национальность – не в одном языке выражается... Она в духе единения мысли, чувств, в совокупности всех сил русской жизни». Это «единение», по Гончарову, захватывает всех – «от царя до пахаря и солдата». «Перед вами, — продолжает Чешнев, — уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики – а одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя – Россия!» Правда, Гончаров не имеет даже приблизительной программы переустройства общества для достижения поставленной задачи. Он лишь говорит о «прогессе», который мыслится им в конечном итоге как возможность и необходимость «каждому народу переработать все соки своей жизни, извлечь из нее все силы, все качества и дары, какими он наделен, и принести эти национальные дары в общечеловеческий капитал! Чем сильнее народ, тем богаче будет этот вклад и тем глубже и заметнее будет та черта, которую он прибавит к всемирному образу человеческого бытия». Панславизм для Гончарова открывается не в политическом, но в творчески-цивилизаторском аспекте. «Примериваясь» к популярной в это время идее, Гончаров смотрит на нее, как всегда, трезво и прагматично. Он прежде всего выделяет не проблему политических или военных союзов, но проблему творческого труда всей нации – от царя до пахаря.

Впрочем, однажды у писателя промелькнуло слова о России как главе славянских народов. В письме к С.А. Толстой от 11 ноября 1870 года он заметил: «Никогда Россия, говоря по-французски и по-английски, не займет следующего ей места, то есть центра и главы славянских народов...» (7, 436-437). В упомянутом письме он говорит о том, что пока Россия вносит свой вклад в общечеловеческое развитие «через национальность» – «как-то вяло и лениво». Не представляя конкретно, в чем выразится участие русского народа в общечеловеческом прогрессе, в движении к «этому общему идеалу человеческого конечного здания», художник в то же время четко сформулировал те условия, которые делают это участие реальной возможностью. Он пишет о том, что необходимо иметь развитую «русскую науку, свое искусство, свою деятельность» (7, 437). Гончаров хочет видеть свою родину сильным, самостоятельным государством, способным конкурировать с сильными державами, а это уже даст России «ту моральную силу, какую имеют Англия, Франция, Германия, Италия и имели по очереди все старые государства!» Он считает, что пока такие условия не созданы: «...У нас не заговорила еще своя, русская наука, свое искусство, своя деятельность!» (7, 437)

В основу своих мечтаний о сильной России писатель положил мысль о необходимости подвижнического, упорного «цивилизаторского» труда. Яснее всего это как раз и выражено во «Фрегате "Паллада"», в «сибирских» главах этой книги. Путешествие заставило Гончарова много и напряженно размышлять над ролью России в процессе творческого обновления общечеловеческой жизни. Сибирь увидена им в масштабном контексте всемирного движения к «цивилизации». Побывав в Европе, Африке и Азии, писатель всюду наблюдал оживление, вносимое в жизнь «деловым англичанином». Его размышления о преобразующем труде русского подвижника в Сибири потому и оказываются столь философскими по духу, что за ними постоянно ощущается всемирный «контекст». В главе «Из Якутска», например, автор пишет: «Несмотря, однако ж, на продолжительность зимы, на лютость стужи, как все шевелится здесь, в краю! Я теперь живой, заезжий свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и вызывают к жизни спящие силы» (10, 379). Развитие цивилизации в Сибири писатель-путешественник рассматривает как национально самобытный вариант «прогресса», подчеркивая различия с «цивилизаторской» деятельностью англичан и американцев, представляющих западноевропейские католические и протестантские государства. Он прямо говорит о «русском, самобытном примере цивилизации, которому не худо бы поучиться некоторым европейским судам,

плавающим от Ост-Индии до Китая и обратно» (10, 387). Таким образом, Гончаров дает свой конкретный ответ на панславистский запрос о роли славянских народов и России в выработке своего типа цивилизации. Гончаров отталкивается от идеи панславизма, но подходит к ней, в отличие от славянофилов, со стороны прагматического и творческого труда. Проблема же единства славянских народов при главенстве России решается здесь для Гончарова сама собой.

1. Краснощекова Е.А. Гончаров. Мир творчества. – СПб., 1997.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1972-1988. – Т. 21.
3. Златковский М.Л. Аполлон Николаевич Майков. 1821-1897. Биографический очерк. – СПб., 1898.
4. И.А.Гончаров. Литературное наследство. Новые материалы и исследования. – М., 2000. – Т. 102.
5. Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А.Гончарова. – М.-Л., 1960.
6. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1980. – Т. 7.
7. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1952-1955. – Т. 8.
8. Розенблюм Н.Г. И.А.Гончаров в неизданных письмах, дневниках и воспоминаниях современников // Русская литература. – СПб., 1969. – №1.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1981. – Т. 22.
10. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1952-1955. – Т. 3.